

Гримасы смутных дней

Сначала был ряд публикаций в «Независимой газете» о закулисной жизни Московского театра на Малой Бронной. В ответ коллектив театра назначил собрание, куда пригласил представителей прессы, включая и «НГ». Это собрание прозвучало целой акцией. Цель ее — показать прессе свое [театра] единство перед лицом опасности.

Но хочу вдаваться в подробности вышеупомянутых публикаций, равно как и в перипе-

Жизнь наша, до края полная конфликтов, организовалась ныне так, что буквально тычет в лицо рядовому члену общества подробности свар между избранными — подробности сплошь и рядом такие, о которых в приличном кругу следовало бы молчать. Нас охватила какая-то сокрушительная эпидемия «замочной скважины», при этом «скважина» разрослась до размеров крупной озоновой дыры. В последнюю утекают, между тем, весьма полезные вещества: тайна, пиетет, уважение, любовь.

Впрочем, про что все эти высокие слова? Да про актеров, про театры. Их у нас исконно принято было любить. Их — для нас — всегда окружала некая насыщенная духовная аура, смесь живого человеческого интереса и наивного обоже-ствления. Если учесть, что пре-жняя наша печать была почти стерильной в отношении лич-ных подробностей из жизни «звезд», то это обстоятельство, конечно, подогревало людское любопытство и плодило в на-шем сознании мифологические образы любимцев. Нам тогда недоставало правды и живой информации. Теперь же ут-рачена дистанция. То, без че-го нет тайны, нет кумира, нет в конечном счете здорового баланса самоуважения в обще-стве. И то правда, мы — люди крайностей...

Между тем «скважина» по-глощает и тех, и других, и куми-ров, и их почитателей. На по-верхности остаются лишь тре-тьи. Они только фиксируют оче-редной скандал в стане знаме-нитостей и выносят его на всеобщее обозрение. Такое вот искусство для искусства.

«Не прикасайтесь к идолам: их позолота остается у нас на пальцах». Мы уже с ног до го-

тии этой встречи. Однако и я, и многие мои коллеги ощутили в те минуты некий холодок под сердцем. Ведь «опасностью» были мы. А театр, оставив за кулисами собрания многие свои естественные «семейные» непо-ладки, продемонстрировал пе-ред нами завидное единство и истинный патриотизм. Не хотят актеры терять свою, годами нажитую репутацию в беспре-деле печатных разбирательств и сенсационных разоблачений.

ловы в фальшивой позолоте, а наши кумиры обнажают обод-ранные бока. Кому от этого легче и лучше жить?

Мне могут возразить: ведь и сами театры, сами актеры то и дело обращаются к представи-телям прессы: приходите, по-смотрите, разберитесь. Мы при-ходим. С разной степенью го-речи убеждаемся, что в храме Мельпомены ныне так же не-чисто, как и за его стенами. «Жареный» материал призвано сверкает на полосе, и у легко-верных создается впечатление, что он поможет возвысить пра-вых и наказать виноватых. Но прошли те времена, когда на газетную публикацию отклик-ались оргмерами. В обществен-ном сознании, между тем, укр-еняется принцип вседозволен-ности. И вот уже не только о конфликтах, а просто о спек-таклях, концертах, артистах, ре-жиссерах, чьи имена пока еще нам не безразличны, позволя-ем себе рассуждать на бульвар-ном диалекте, походя хлопнув по плечу. Эдакое: «Ну как, брат Пушкин!»

Исповедь — вещь интимная, но может быть при надобности и публичной. Однако она все равно не имеет ничего общего с публичным раздеванием — последнее называется по-дру-гому.

Ссора внутри театра — тоже вещь глубоко интимная, семей-ная. Выносить ее на лестнич-ную площадку, тем паче на улицу — симптом серьезной болезни...

Зимними холодами и угро-зой голода мы, кажется, уже переболели. За окнами — солн-це, в нас сердце как-то тепле-ет. И хочется просто посмотре-ть хороший спектакль и прочит-ать о нем восторженную рецензию в газете.

Наталья КАМИНСКАЯ.